

Религиоведение. 2022. № 2. С. 94–100.
Religiovedenie [Study of Religion]. 2022. No. 2. P. 94–100.

DOI: 10.22250/20728662_2022_2_94

¹ Ситников А.В., ² Сторчак В.М., ³ Сторчак М.В.

^{1,2,3} Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС)

^{1,2,3} 119571, Россия, г. Москва, просп. Вернадского, 82

¹ sitnikov-av@ranepa.ru; ² v.storchak@yandex.ru; ³ punart@gmail.ru

Религиозная символика в коллективной памяти (на примере российских государственных символов)

Аннотация. В статье исследуется функционирование православной символики в коллективной памяти, анализируется, каким образом с помощью религиозных символов и нарративов осуществляется сакрализация, надделение смыслом и моральным авторитетом деятельность институтов государства. Авторы анализируют православные мотивы на российских геральдических символах, рассматривают понимание образов святых апостола Андрея Первозванного, великомученика Георгия Победоносца, великого Князя Александра Невского, а также проводимые церковью публичные ритуалы (коронация, канонизация и др.). Показано, что данная символика и ритуальная практика призваны вносить в коллективную память паттерны преемственности и сакральности власти, задействовать традиционные православные нарративы победы над злом и спасения для осмысления российской внутренней и внешней политики. Рассматривается символизм церемонии коронации царя и канонизации святых и их значение в коллективной идентичности подданных. Авторами показано, как при переходе от средневековому к нововременному пониманию политики в ходе трансформации целей политического поля и дифференциации сфер политики, морали и религии происходила трансформация и секуляризация религиозных смыслов и символов, утрата ими своего традиционного значения.

Ключевые слова: политика, православие, коллективная память, символ, герб, власть, коронация, легитимация, сакрализация, Александр Невский, Георгий Победоносец, Андрей Первозванный

¹ Alexey V. Sitnikov, ² Vladimir M. Storchak,
³ Marina V. Storchak

^{1,2,3} Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA)

^{1,2,3} 82 Vernadskogo prosp., Moscow, 119571, Russia

¹ sitnikov-av@ranepa.ru; ² v.storchak@yandex.ru; ³ punart@gmail.ru

Religious Symbols in Collective Memory (On the Example of Russian State Symbols)

Abstract. The article examines the functioning of Orthodox symbols in the collective memory of Russian society. The authors analyze how sacralization, giving meaning and moral authority to the activities of state institutions, are carried out through religious symbols and narratives. The authors focus on Orthodox symbols depicted in Russian heraldic symbols. They also consider the understanding of the images of the holy Apostle Andrew the First-Called, Great Martyr George the Victorious, St. Alexander Nevsky and public rituals conducted by the church (coronation, canonization, etc.). The article shows that this symbolism and ritual practice are designed to bring into the collective memory patterns of continuity and sacredness of power, to use traditional Christian narratives of victory over evil and salvation to comprehend Russian domestic and foreign policy. The authors consider the symbolism of the ceremony of the coronation of the king and the canonization of the saints, analyze their significance in the collective identity of the subjects. The authors show how, during the transition from the medieval to the modern understanding of politics, in the course of the transformation of the goals of the political field and the differentiation of the spheres of politics, morality and religion, the transformation and secularization of religious meanings and symbols took place and how both of them lost their traditional significance.

Key words: politics, Orthodoxy, collective memory, symbol, coat of arms, power, coronation, legitimation, sacralization, Alexander Nevsky, George the Victorious, Andrew the First-Called

Введение и методология

Понятие «коллективная память» сегодня активно используется исследователями. Оно восходит к идеям французского социолога М. Хальбвакса [Хальбвакс, 2009], благодаря которому было осознано, что индивидуальная память во многом определяется обществом, зависит от принадлежности к определённой группе, культуре и пр. И напротив, сообщество создаётся совместной памятью его членов, которая формирует их близкую идентичность, внушает им представление об их общем прошлом, устойчивые смыслы, границы между «мы» и «они». Благодаря коллективной памяти осуществляется консолидация общества, появляется нация, формируется её идентичность, определяется, какие события прошлого считаются ключевыми, с каких деятелей надлежит брать пример, кого и что следует помнить, чем и кем гордиться. Для того, чтобы конструирование памяти и, соответственно, идентичности происходило на уровне аффективного восприятия, используются символы и нарративы [Ассман, 2014, 39]. Они предлагают связную картину истории «сводя сложные и противоречивые исторические процессы к удобным для восприятия эмоционально окрашенным схемам» [Малинова, Миллер, 2021, 20]. Символы и нарративы определяют, что является значимым и важным, существенным для общества, что наделяется непреходящим смыслом, а что является второстепенным. В символической сфере нередко прибегают к сакрализации. Сакрализация придаёт вневременной смысл событиям и героям прошлого, возводит их на уровень священного мифа, наделяет моральным авторитетом и делает основой интерпретации социальной реальности. Символика закрепляет определённые моменты прошлого как главные для нас, как то, что является для нас ориентиром и наделяет смыслом сегодняшние события. В целом символическая реальность чрезвычайно важна. Она не предполагает физического или экономического принуждения, но создаёт смыслы и нормы, узаконивает социальные различия, освящает и санкционирует порядок, иерархию и господство, вырабатывает структуру ценностей, формирует восприятие людьми социального мира [Бурдьё, 2016, 50; Бурдьё, 2007].

Религиозная символика в практиках власти

Цель настоящей статьи – проанализировать функционирование религиозной символики в коллективной памяти, в частности, исследовать, как задействована религиозная составляющая в государственных символах. Религия всегда использовалась для абсолютизации и надления сакральным смыслом политического поля [Бурдьё, 1993, 208–209]. В частности, в дореволюционной России с помощью религиозной символики производилось освящение царского чина: вступавших на престол царей специально рукополагали, совершая над ними миропомазание. Данный ритуал сопровождался возложением короны и произнесением особых сакральных слов «печать дара Духа Святого». Совершал это в Успенском соборе Московского Кремля патриарх (или первенствующий митрополит). После совершения данного действия царь допускался к причастью по священническому чину и получал право входить через царские врата в алтарь. Также считалось, что в этом священнодействии царю даруется от Бога особая благодать для управления государством, а его поданные получают свыше священную обязанность повиноваться самодержцу «без прекословия и роптания» [Иванова, Желтова, 2019, 28]. Символами такой священной власти царя были скипетр, держава, корона. Они олицетворяли многовековую преемственность власти и её сверхъестественную природу. Коронационные обряды в России и европейских странах совершались высшими церковными иерархами, были более или менее унифицированы и везде символизировали превращение смертного человека в государя, обладающего надприродными дарами власти [Бычкова, 2009, 17]. Коллективная идентичность подданных коронованного лица основывалась именно на признании этой его сакральности, а память хранила знание о том, что их предки жили и побеждали под началом правителей таким же образом получивших свою власть.

Помимо сакрализации государственной власти с помощью религиозных ритуалов и символов, можно указать ещё целый ряд практик конструирования коллективной памяти с использованием религии. Прежде всего это канонизация святых для их общенародного совместного почитания. Например, канонизация преподобного Серафима Саровского утверждала для всех православных его как образец святой жизни и воплощение ценностей смирения, терпения, жертвенности и высокой духовности. Он был простым монахом, но сам император Николай II лично принял активное участие в его прославлении. Это было демонстрацией символического единства царя с народом, подчёркивало, что перед Богом все равны [Фриз, 2019, 193–195].

Религиозная символика российского Герба

Геральдические символы России имеют византийские истоки. Принятие Иваном Грозным двуглавого орла в качестве государственного герба подчёркивало и его равенство с «цесарем римским» и преемственность с Византией. Об этом, в частности, говорится в «Алфавите» Леонтия Магницкого (1703 г.):

Тремя венцами орёл восточный сияет,
Веру, надежду, любовь к Богу являет.
Криле простер, объемлет всего мира конца,
Север, юг, от востока аж до запада солнца
Простертыми крылами добре покрывает,
Скипетр заступления в покров простирает.
Скипетр в царствии крепость, являет честь, славу,
Свет содержит, Августа воспримет державу [Лакиер, 1990].

Изображенный на Российском гербе «двоглавый, в мире славный» орёл занимает центральное положение практически на всех флагах, печатях и в прочей государственной символике. Ст. 61 свода Основных государственных Законов Российской империи говорит: «Российский Государственный герб есть в золотом щите чёрный, двоглавый орел, коронованный двумя Императорскими коронами, над которыми третья, такая же, в большем виде, корона с двумя развевающимися концами ленты ордена Святого Апостола Андрея Первозванного. Государственный орёл держит золотые скипетр и державу. На груди орла герб Московский: в червлёном щите Святой Великомученик и Победоносец Георгий, на коне, поражающий дракона золотым копьём... В большой государственной печати, щит, с вышеописанным двоглавым орлом, увенчан шлемом Святого Великого Князя Александра Невского и окружён цепью ордена Святого Апостола Андрея Первозванного; по сторонам его изображения Святых Архистратига Михаила и Архангела Гавриила; над всем золотая усеянная двоглавыми орлами и подложенная горностаем сень с надписью: “С нами Бог”» [Святая Русь, 2007].

Как мы видим, государственная символика отсылает к целому ряду святых и ангелов: апостол Андрей Первозванный, великомученик Георгий Победоносец, великий князь Александр Невский, архистратиг Михаил и архангел Гавриил. Какие смыслы заложены в этих образах? Очевидно, что цель их – связать земную империю с вечным, абсолютным, вневременным, с миром ангелов и святых и ценностями, которые они олицетворяют.

Апостол Андрей особо почитался на Руси, т.к. считалось, что он лично побывал в её землях и благословил их. Он одновременно и «наш», и «первозванный», т.е. призванный Христом раньше апостола Петра – первоапостола Ватикана. И это может восприниматься как первенство покровителя Руси (и её самой) над покровителем папского Рима [Успенский, 1994]. При Петре I учреждается первый и самый главный российский орден Андрея Первозванного. Появляются флаги с синим косым крестом святого апостола Андрея, ставшим позднее знаменем российского военно-морского флота.

Огромное символическое значение для российского государственного самосознания имело и имеет почитание Александра Невского. Он является символом победы, национальной независимости и высокой самобытной духовности. Принявший перед смертью великую схизму, великий князь был канонизирован в 1547 году за христианскую кончину. Он был правитель, «проводивший политику безусловной покор-

ности» и избегавший столкновения с монголами [Шенк, 2007, 46–59], но победивший тех, кто вторгся на Русь с Запада. Уже спустя века после его смерти он начинает выступать как антизападный символ, полководец, символизирующий победу над интервентами. В XVIII веке Александра Невского перестают изображать на иконах и фресках в одежде монаха-схимника. Новый канонический облик он обретает в воинском облачении. Память Александра Невского начинает праздноваться 12 сентября (что связывается с перенесением его мощей). Этот день – годовщина Ништадского мира, которым в 1721 году закончилась Северная война. Тем самым святой князь Александр Невский оказался символом военной доблести и могущества России [Давыдов, 2004].

Ещё один изображённый на российском гербе святой играет важнейшую символическую роль – это св. Георгий Победоносец. Он пользовался исключительной популярностью и почитался во всем христианском мире как страстотерпец за веру, смиренный великомученик. Он известен своими чудесами, в частности, посмертным чудом спасения царевны от Змия, которое обычно изображается на его иконе. В этом сюжете св. Георгий символически толкуется в качестве победителя дьявола и защитника Церкви, представленной женской фигурой [Сендерович, 2002, 40]. Помещённый на герб св. Георгий Победоносец был призван придать Российской империи образ защитницы Церкви и заступницы всех слабых. Другие стороны его образа – страстотерпец и великомученик – были близки идеалам и жизни русского народа. Смиренный мученик за Христа на коне пронзающий попранного и опрокинутого дракона стал в России покровителем армии, государства и трона, призван был в образе победителя зла наделять смыслом внутреннюю и внешнюю политику страны.

Отметим ещё некоторые элементы религиозной символики, встречающиеся в военной и государственной атрибутике, которые закрепляют в коллективной памяти понимание победы над неприятелем как святого дела. На знаменах Преображенского и Семеновского полков в верхнем углу нередко изображался крест, окруженный надписью «Сим знаменем победиши» – эти слова отсылали к известному из истории церкви явлению в IV веке перед решающей битвой императору Константину Великому на небе креста. Данная символика, уходящая в глубину веков, связывала Римскую империю с Российской и напоминала воинству «о высшей небесной помощи, подаваемой от Бога верным воинам в трудную минуту» [Григорьев, 2003].

Марш «Гром победы» (музыка О.А. Козловского на стихи Г.Р. Державина) утверждал превосходство одновременно русских войск и православия:

Гром победы, раздавайся!
Веселися, храбрый Росс!
Звучной славой украшайся,
Магомета ты потрес!

В российском гимне XIX в. Д.С. Бортнянского на стихи М.М. Хераскова религиозное содержание было даже преобладающим:

Коль славен наш Господь в Сионе,
Не может изъяснить язык.
Велик он в небесах на троне,
В былинах на земле велик.
Везде, Господь, везде Ты славен,
В нощи, во дни сияньем равен.

Более поздний официальный вариант российского гимна, созданный А.Ф. Львовым в 1833 году, так же точно был исполнен религиозным содержанием:

Боже, Царя храни!
Сильный, державный,
Царствуй на славу нам;
Царствуй на страх врагам,
Царь православный!
Боже, Царя храни!

Религиозная символика в контексте секуляризации

В эпоху средневековья коллективная идентичность была религиозной и в любая деятельность естественным образом наделялась религиозным смыслом. Это

касалось и политики: считалось, что земной царь должен вести своих подданных к спасению бессмертной души, земной правитель – прообраз царь небесного, а царство земное – отражение царства небесного. Политическая сфера подчинялась иерархии целей, главной среди которых была вечная жизнь и потустороннее спасение.

Однако, в Новое время в Европе происходят существенные изменения целей и смыслового наполнения политического поля. Политика постепенно начинает пониматься как автономное по отношению к религии и морали искусство власти [Зеллин, 2016]. Политические цели – удержание и осуществление власти – видятся уже как не имеющие ничего общего с целями религиозными. Это новое понимание политики наиболее последовательно выразил Н. Макиавелли. Он показывает автономии политической сферы, раскрывает её логику и наличие у неё собственных критериев эффективности: оказывается, что существуют «те пороки, без которых невозможно сохранение за собой верховой власти» [Макиавелли, 2013, 77]. Политикам, по мнению Н. Макиавелли, нельзя обладать высокими нравственными качествами и религиозными добродетелями, «действительное обладание этими качествами вредно для личного блага государей» [Там же, 86]. Более того, «государям, желающим удержаться за собой власть, весьма часто необходимо быть порочными» [Там же, 93].

Властители, живущие в новой политической реальности, лишённой религиозных целей и моральных ограничений, тем не менее продолжали использовать религиозную символику, в частности, для освящения войн и легитимации власти. В таком контексте религиозные институты, наделяющие эту символику смыслом, оказывались в двусмысленной роли, попадали под обвинение в обмане и лицемерии и неизбежно начинали утрачивать свой авторитет и влияние.

Осмысление политической реальности как автономной от религии быстро стало доминирующим в Европе [Разуваев, 2019, 89]. С учением Макиавелли удивительным образом сходилась и политическая мысль Лютера, которая также отвергала то, что у политики должны быть моральные основания. Имевшая место у Макиавелли дифференциация сфер политики, морали и религии во многом совпала с протестантской концепцией [Скиннер, 2018, 111]. Так же и в Российской империи восходящие к Макиавелли идеи стали преобладающими, и политическая элита пользовалась властью по рецептам, описанным итальянским мыслителем [Юсим, 2011]. К такой политике можно отнести, в частности, церковные реформы Петра I, которыми он стремился подчинить церковь государству, превратив её в государственное ведомство, решающее задачу «утверждать духовных чад в послушании своим хозяевам, а также оказывать властям помощь в установлении порядка» [Фриз, 2019, 32]. Многие из тех, кто разрабатывали и осуществляли практику использования православия в государственных нуждах, сами были весьма далеки от каких-либо религиозных норм и руководствовались голым политическим расчетом. В частности, создатель идеологии трех начал «силы и величия Отчества» С.С. Уваров, смотрел на православие, т.е. первое из этих начал, как на необходимый источник единоначалия, обеспечения политической лояльности, сохранения самодержавия и поддержания существующего строя [Виттекер, 1999].

В рамках автономного понимания политической реальности продолжалось использование религиозной символики, однако последняя в таком контексте оказывалась средством достижения чисто земных целей. Смысл религиозных символов, терминов и образов трансформировался, становился секулярным, связанным с целями и задачами государства, его победой над земными врагами. Вечным, священным, святым стали называться само государство, нация и те, кто отдал за неё жизнь [Ситников, 2020]. Следующим логичным шагом была замена религиозной символики и на новую светскую, что и пытались делать в советское время. В СССР создавали торжественные гражданские обряды, связанные с трудовой деятельностью (чествование трудовых династий, награды за профессиональные достижения, профессиональные праздники), ритуалы перехода (первый звонок, вступления в ряды октября, пионеров, комсомола, вручение паспорта). Были разработаны ритуалы траурных церемоний, празднования различных дат памяти и бракосочетания, последний включал посещение важных исторических мест города [Смолкин, 2021, 381–390].

Заключение

Таким образом, религиозная символика, будучи частью коллективной памяти, представлена в главных символах государства. Она призвана сакрализовать, наделить непреходящим значением и моральным авторитетом его деятельность. Проводимые церковью публичные ритуалы освящения институтов государства демонстрируют преэминентность власти и её сверхъестественную природу, добавляют в коллективную память представления о подданических ценностях, равенстве людей не в земной жизни, а перед лицом вечности. Традиционные религиозные сюжеты спасения, защиты слабых и победы над злом должны с помощью использования символики переносить аналогичный смысл на внутреннюю и внешнюю политику государства, освящая, в том числе, его военные достижения и могущество армии. Одновременно с этим наблюдается утрата религиозного смысла символики и появление в ряде случаев её светского аналога.

Библиографический список

1. Ассман, А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика / А. Ассман. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 328 с.
2. Бурдьё, П. О государстве. Курс лекций в Коллеж де Франс (1989–1992) / П. Бурдьё. – М.: Дело, 2016. – 722 с.
3. Бурдьё, П. Социальное пространство: поля и практики / П. Бурдьё. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. – 576 с.
4. Бурдьё П. Социология политики / П. Бурдьё. – М.: Socio-Logos, 1993. – 336 с.
5. Бычкова, М.Е. Магия власти / М.Е. Бычкова. – М.: Территория, 2009. – 216 с.
6. Виттекер, Ц.Х. Граф С. С. Уваров и его время / Ц.Х. Виттекер / Пер. с англ. Н.Л. Лужецкой. – СПб.: «Академический проект», 1999. – 350 с.
7. Григорьев, А. Символы воинской чести / А. Григорьев // К единству. – 2003. – № 1. – С. 21–24.
8. Давыдов, И.П. Православный акафист русским святым как результат «трансгрессии мифа» / И.П. Давыдов // Религиоведение. – 2004. – № 3. – С. 96–113.
9. Зеллин, Ф. Политика / Ф. Зеллин // Словарь основных исторических понятий. Избранные статьи в 2-х т. – М.: Новое литературное обозрение, 2016. – Т. 1. – 736 с.
10. Иванова, Н.А. Сословное общество Российской империи (XVIII – начало XX века) / Н.А. Иванова, В.П. Желтова. – М.: Новый хронограф, 2019. – 720 с.
11. Лакиер, А.Б. Русская геральдика / А.Б. Лакиер. – М.: Книга, 1990. – 432 с.
12. Макиавелли, Н. Государь. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. О военном искусстве. Сборник / Н. Макиавелли. – Минск: Попурри. 2013. – 672 с.
13. Малинова, О.Ю. Символическая политика и политика памяти / О.Ю. Малинова, А.И. Миллер // Символические аспекты политики памяти в современной России и Восточной Европе: сборник статей. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2021. – С. 7–37.
14. Разуваев, В.В. Загадки Макиавелли («Государь» в XVI веке) / В.В. Разуваев. – М.; СПб.: Петроглиф, Центр гуманитарных инициатив, 2019. – 200 с.
15. Святая Русь. Исторический календарь-альманах 2000/2001. – М.: Альманах «Русская идея», 2007. – 512 с.
16. Сендерович, С.Я. Георгий Победоносец в русской культуре: страницы истории / С.Я. Сендерович. – М.: Аграф, 2002. – 368 с.
17. Ситников, А.В. Нация и религия: к определению понятия «религиозный национализм» / А.В. Ситников // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2020. – Т. 22. – № 4. – С. 579–589.
18. Скиннер Квентин. Истоки современной политической мысли / Скиннер Квентин. – М.: Издательский дом Дело, 2018. – Т. 2. – 568 с.
19. Смолкин, В. Свято место пусто не бывает: история советского атеизма / В. Смолкин. – М.: Новое литературное обозрение, 2021. – 552 с.
20. Успенский, Б.А. Отзвуки концепции «Москва – Третий Рим» в идеологии Петра I / Б.А. Успенский // Успенский Б.А. Избранные труды: В 2 т. – М.: Издательство «Гнозис», 1994. – Т. 2. – С.60–74.
21. Фриз, Г. «Губительное благочестие»: Российская церковь и падение империи: сборник статей / Г. Фриз. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019. – 352 с.
22. Хальбвакс, М. Социальные рамки памяти / М. Хальбвакс. – М.: Новое издательство, 2007. – 348 с.

23. Шенк, Ф.Б. Александр Невский в русской культурной памяти: святой, правитель, национальный герой (1263–2000) / Ф.Б. Шенк. – М.: Новое литературное обозрение, 2007. – 592 с.
 24. Юсим, М.А. Макиавелли. Мораль, политика, фортуна. Этика Макиавелли. Макиавелли в России / М.А. Юсим. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2011. – 576 с.

Текст поступил в редакцию 02.12.2021.
 Принят к публикации 14.02.2022.
 Опубликовано 23.06.2022.

References

1. Assman A. *Dlinnaya ten' proshlogo: memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika* [The Long Shadow of the Past: Memorial Culture and Historical Politics]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014, 328 p. (in Russian).
2. Bourdieu P. *O gosudarstve. Kurs lekcij v Kollezhe de Frans (1989–1992)* [About the state. Course of lectures at the College de France (1989–1992)]. Moscow: Delo, 2016, 722 p. (in Russian).
3. Bourdieu P. *Social'noe prostranstvo: polya i praktiki* [Social space: fields and practices]. Moscow: Institute of Experimental Sociology; St. Petersburg: Aletya, 2007, 576 p. (in Russian).
4. Bourdieu P. *Sociologiya politiki* [Sociology of politics]. Moscow: Socio-Logos, 1993, 336 p. (in Russian).
5. Bychkova M.E. *Magiya vlasti* [Magic of power]. Moscow: Territoriya, 2009, 216 p. (in Russian).
6. Davydov I.P. *Religiovedenie* [Study of Religion]. 2004, no. 3, pp. 96–113 (in Russian).
7. Freeze G.L. "Gubitel'noe blagochestie": *Rossijskaya cerkov' i padenie imperii: sbornik statej* [Subversive Piety: The Russian Church and the Fall of the Empire: Collection of Articles]. St. Petersburg: Publishing House of the European University in Saint Petersburg, 2019, 352 p. (in Russian).
8. Grigoriev A. *To unity!* 2003, no. 1, p. 21–24 (in Russian).
9. Halbwachs M. *Social'nye ramki pamyati* [Social framework of memory]. Moscow: Novoe izdatel'stvo, 2007, 348 p. (in Russian).
10. Ivanova N.A., Zheltova V.P. *Soslovnnoe obshchestvo Rossijskoj imperii (XVIII – nachalo XX veka)* [Estates society of the Russian Empire (XVIII – early XX century)]. Moscow: New Chronograph, 2019, 720 p. (in Russian).
11. Lakier A.B. *Russkaya geraldika* [Russian heraldry]. Moscow: Kniga, 1990, 432 p. (in Russian).
12. Machiavelli N. *Gosudar'. Rassuzhdeniya o pervoj dekadke Tita Liviya. O voennom iskusstve. Sbornik* [Sovereign. Reasoning about the first decade of Titus Livy. About the art of war. Collection]. Minsk: Poutouri, 2013, 672 p. (in Russian).
13. Malinova O. Yu., Miller A.I. *Simvolicheskie aspekty politiki pamyati v sovremennoj Rossii i Vostochnoj Evrope: sbornik statej* [Symbolic Aspects of the Policy of Memory in Modern Russia and Eastern Europe: collection of papers]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2021, 20 p. (in Russian).
14. Razuvaev V.V. *Zagadki Makiavelli ("Gosudar'" v XVI veke)* [Riddles of Machiavelli ("The Sovereign" in the 16th century)]. Moscow; St. Petersburg: Petroglif, Centr gumanitarnyh iniciativ, 2019, 200 p. (in Russian).
15. Schenk F.B. *Aleksandr Nevskij v russkoj kul'turnoj pamyati: svyatoj, pravitel', nacional'nyj geroj (1263–2000)*. [Alexander Nevsky in Russian cultural memory: saint, ruler, national hero (1263–2000)]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2007, 592 p. (in Russian).
16. Senderovich S.Ya. *Georgij Pobedonoscev v russkoj kul'ture: stranicy istorii* [George the Victorious in Russian Culture: Pages of History]. Moscow: Agraf, 2002, 368 p. (in Russian).
17. Sitnikov Alexey V. Nation and Religion: towards Definition of Religious Nationalism. *RUDN Journal of Political Science*. 2020, vol. 22, no. 4, pp. 579–589. DOI:10.22363/2313-1438-2020-22-4-579-589 (in Russian).
18. Skinner K. *Istoki sovremennoj politicheskoy mysli. Tom 2. Epoha Reformacii*. [The origins of modern political thought. Vol. 2. The era of the Reformation]. Moscow: Delo, 2018, 568 p. (in Russian).
19. Smolkin V. *Svyato mesto pusto ne byvaet: istoriya sovetskogo ateizma* [No Holy Place Is Empty: The History of Soviet Atheism]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2021, 552 p. (in Russian).
20. *Svyataya Rus'. Istoricheskij kalendar'-al'manah 2000/2001* [Holy Russia. Historic calendar-almanac 2000/2001]. Moscow: Almanac "Russian Idea", 2007, 512 p. (in Russian).
21. Uspensky B.A. *Izbrannoe: v 2 t.* [Selected Works: In 2 vols.]. Moscow: Izdatel'stvo "Gnoziz", 1994, pp. 60–74 (in Russian).
22. Vitteker C.X. *Graf S.S. Uvarov i ego vremya* [Count S.S. Uvarov and his time]. St. Petersburg: "Akademicheskij proekt", 1999, 350 p. (in Russian).
23. Yusim M.A. *Machiavelli. Moral', politika, fortuna. Etika Machiavelli. Machiavelli v Rossii* [Machiavelli. Morality, politics, fortune. Ethics of Machiavelli. Machiavelli in Russia]. Moscow: Canon + ROOI "Rehabilitation", 2011, 576 p. (in Russian).
24. Zellin F. *Politika. V kn.: Slovar' osnovnyh istoricheskikh ponyatij. Izbrannye stat'i* [Politics. In the book: Dictionary of basic historical concepts. Selected articles]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2016, vol 1, 736 p. (in Russian).

Submitted for publication: December 02, 2021.
 Accepted for publication: February 14, 2022.
 Published: June 23, 2022.